

Успехи ученых в области физики и химии, а также в медицине и фармации
предоставляют нам возможность для дальнейшего изучения и применения
них в практике. Несмотря на то что в последние годы в мире произошли

изменения

в политической сфере, в экономике и социальной жизни, мы продолжаем работать над тем, чтобы улучшить условия жизни и здравоохранения в нашей стране. Мы стремимся к тому, чтобы каждый человек мог жить в условиях, соответствующих его потребностям и интересам. Для этого мы проводим различные программы и проекты, направленные на поддержку научных исследований, развитие образования и культуры, создание новых рабочих мест и улучшение жилищных условий. Мы также активно сотрудничаем с зарубежными партнерами, чтобы обменяться опытом и знаниями, а также поделиться нашими достижениями с мировым сообществом.

БЕСЪДА ПЯТАЯ.

Въ разговорѣ со мною, въ которомъ принимали участіе и другіе присутствовавши, Сократъ излагаетъ свой взглядъ на понятіе бытія. Указавъ на источникъ этого понятія, на его образование изъ различныхъ элементовъ нашего сознанія, на его место въ составѣ этого сознанія, Сократъ дѣлаетъ такъ называемое генетическое опредѣленіе этого понятія.

Въ четвергъ часу въ пятомъ я поѣхалъ къ Карамазовымъ, у которыхъ уже нашелъ Сократа съ Калгановымъ. Когда я вошелъ, то они прекратили начатый разговоръ и послѣ обычныхъ привѣтствий, по видимому, перешли къ его продолженію. Въ довольно пикантной формѣ Калгановъ пояснялъ присутствующимъ, куда и какъ загуливается Сократъ. Оказалось, что время отъ времени онъ проводитъ цѣлые вечера у своихъ товарищѣй, чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ онъ служилъ, играя съ большимъ увлечениемъ въ винтъ.

Карамазова. Да какъ же это, Сократъ Ивановичъ? Не могу понять, какъ совмѣщается философія съ винтомъ.

Сократъ. Ничего не подѣлаешь, Катерина Ивановна! Отъ юности моей мнози борять мя страсти!...

Калгановъ. Да ужъ какая тутъ философія!! Онъ такъ азартно винтить, что мнѣ случалось, особенно когда онъ порядочно проигралася, слышать отъ него жалобы на философію, которая будто бы

виновата въ томъ, что онъ не можетъ *видѣть* картъ, находящихся у всѣхъ играющихъ, а потому и дѣлаетъ промахи и ошибки.

Я. Однако, что же это Сократъ Ивановичъ? Неужели вы подглядываете чужие карты?

Сократъ. Ну, слава Богу, въ такомъ постыдномъ дѣлѣ я еще не грѣшенъ! Петръ юомичъ для краснаго словца искажаетъ дѣло, состоящее вотъ въ чемъ. Хорошій игрокъ, на основаніи переговоровъ, происходящихъ между играющими въ винтъ, и на основаніи своихъ собственныхъ картъ безсознательно и весьма быстро строитъ въ своемъ воображеніи игру каждого изъ играющихъ. Это построение у хорошихъ игроковъ до такой степени вѣрно, что разнится отъ дѣйствительности только въ неважныхъ деталяхъ. Такъ, напр., игрокъ предполагаетъ у кого либо осмерку, между тѣмъ какъ у него на самомъ дѣлѣ семерка или девятка. Но это построение еще не все! Хорошій игрокъ въ своемъ воображеніи *видитъ* построенную имъ игру каждого и вѣтъ происходящія въ ней видоизмененія вслѣдствіе движенія игры. Что касается до меня, то построить игру я еще могу, но имѣть надлежащую интуицію, или созерцаніе игры каждого я не способенъ, отчего и происходятъ печальные промахи. Иногда не можешьъ дать себѣ отчета не только въ семеркѣ или девяткѣ, но въ валетѣ или дамѣ: вышли они изъ игры или находятся у кого либо въ рукахъ. Причины этого своего недостатка я ни въ чёмъ не вижу, какъ въ томъ, что я очень привыкъ къ абстрактному философскому мышленію, которое усилилось у меня на счетъ ослабленія конкретного созерцанія...

Въ это время служанка доложила, что подано обѣдать; и мы со смѣхомъ, возбужденнымъ серьезностью тона, съ которымъ излагалъ Сократъ свою теорію винта, пошли въ столовую. Послѣ обѣда, который прошелъ весьма оживленно въ разговорахъ о мотивахъ сдѣлавшихъ игру вообще и въ карты специально такимъ важнымъ соціальнымъ явленіемъ въ Европѣ и особенно въ Россіи, мы занялись чаепитіемъ, во время которого одинъ за другимъ, пришли Синайскій и Красоткинъ съ Шугаевымъ. Чувствовалось, что у всѣхъ

было возбуждено нетерпеливое любопытство услышать, какъ будетъ Сократъ объяснять и опредѣлять понятіе бытія. Видя это и желая удовлетворить и своему, и общему любопытству, я прямо пригласилъ Сократа объяснить, что онъ разумѣеть подъ бытіемъ.

Сократъ. Извините, господа, если я позволю себѣ теперь сдѣлать маленько замѣчаніе относительно нашего пренебреженія ко всему тому, что хотя и чрезвычайно важно, но не обращаеть на себя вниманія по нашей привычкѣ къ нему. Мы здѣсь, (улыбаются, взглянувши на Серебрякову и Синайского) почти все люди солидные по возрасту и каждый, вѣроятно, ежедневно и не разъ говорить: *есть, не есть, нѣтъ, существуетъ, не существуетъ* и т. п. Далѣе много разъ въ жизни мы ожесточенно спорили о существованіи и не существованіи разныхъ вещей, ну хоть дьявола и т. п., а между тѣмъ возможно, что никто отчетливо не думалъ о томъ, что же онъ и другіе разумѣютъ, когда говорять, что *нѣчто есть, существуетъ, или наоборотъ*.

Серебрякова. Да мнѣ все кажется, что это ужъ очень просто. Видимъ мы что нибудь, такъ оно и существуетъ, чего не видимъ, или никакъ не можемъ увидать, оно и не существуетъ.

Сократъ. Вѣ томъ то и бѣда, что не просто! Вѣдь, вотъ мы все видимъ тамъ (указывая на зеркало) людей и другія разныя вещи, видимъ несомнѣнно, но все мы скажемъ, что все это, видимое тамъ, не существуетъ.

Серебрякова. Ну, да, вѣдь, это мы знаемъ, что видимъ въ зеркаль.

Сократъ. Хорошо, что знаемъ, что въ зеркаль! Но, еслиъ ничего не знали про зеркало, то, пожалуй, и приняли бы, что это существуетъ, потому что, вѣдь, какъ говорите вы, все видимое существуетъ. Значитъ, для существованія, *кромъ видимости*, нужно ли еще что нибудь или не нужно? Ну, вотъ, радугу мы видимъ, а существуетъ ли то, что мы въ ней видимъ?

Серебрякова. Конечно видимости не достаточно. Надобно, чтобы

видимое было доступно и другимъ чувствамъ напр. осязанію, слуху и т. д.: одни чувства повѣряются другими.

Сократъ. А вотъ спириты говорятьъ, что они не только видѣли, но осязали, брали за руку и разговаривали съ духами, которыхъ вызывали различные медіумы: съ какимъ то Абдулой, съ Кетти-Кингъ и многими другими. Какъ же намъ думать о существованіи этихъ Абдулъ и Кетти-Кингъ, подлежащихъ всѣмъ виѣшнимъ чувствамъ? Надѣюсь, что мы не имѣемъ права заподозрѣвать спиритовъ, что они умышленно обманываютъ насъ. По моему, критерій существованія, состоящій въ доступности виѣшнимъ чувствамъ—совершенно не состоятеленъ. Я совѣтовалъ бы вамъ какъ для решения вопроса о существованіи и не существованіи, такъ и многихъ другихъ довѣряться лучше голосу разума, чѣмъ показанію виѣшнихъ чувствъ. Я, впрочемъ, уже разъ касался этого предмета вотъ съ Николаемъ Ивановичемъ и, кажется, выяснилъ, что на противъ должно признать, что видимое, слышимое и т. п. не существуетъ само по себѣ, а только въ насъ, т. е., въ умѣ.

Красоткинъ. (Видя, что Серебрякова хочеть еще что то сказать, и перебивая ее). Не пытайтесь, Анна Михайловна, заводить съ нимъ обѣ этомъ рѣчъ; онъ васъ тутъ запутаеть. Конечно, съ точки зрењія современной физіологии можно сказать, что цвѣта или звуки не существуютъ объективно, а, вѣдь, мы видимъ только цвѣта, слышимъ только звуки, а не вещи. Итакъ, Сократъ Ивановичъ, научите ка вы насъ, что значитъ существовать?

Сократъ. Я, признаться, уклонился въ сторону, только желая показать, что понятіе бытія вовсе не такая легкая вещь, какъ мы обѣ этомъ думаемъ, и—такъ сказать,—спрятаться за эту трудность, когда мнѣ придется въ разрѣшеніи ея сдѣлать какую нибудь ошибку, что очень возможно.

„Какъ же мы теперь приступимъ къ разрѣшенію нашей трудной задачи? Искать ея разрѣшенія въ общемъ мнѣніи, по моему, бесполезно; въ прошлый разъ мы видѣли, что не только простые

люди, но и философы не давали себѣ надлежащаго отчета въ томъ, что значитъ „быть“, „существовать“.

Я. Но однако и философы, и обыкновенные люди что нибудь да разумѣютъ же подъ понятіемъ бытія и до сихъ поръ отличили множество вещей дѣйствительно существующихъ отъ мнимыхъ, отъ произведеній фантазіи, значитъ, имѣли же какой нибудь критерій для этого отличенія?

Сократъ. Вполнѣ согласенъ съ вами. Критерій у людей есть и довольно вѣрный, но критерій этотъ инститивный, не ясно со-зываемый и строго и точно не опредѣленный. Поэтому, руководясь этимъ инститивнымъ критеріемъ, люди могли во многихъ случаяхъ прилагать его правильно и дѣйствительно отличать существующее отъ несуществующаго, но въ другихъ случаяхъ запутывались и впадали въ иллюзіи и ошибки, а потому принимали несуществую-щее за существующее.

„Но приступимъ же къ нашему трудному дѣлу“!

„Прежде всего намъ нужно, на сколько то возможно, отрѣ-шиться отъ всякихъ ходячихъ мнѣній, или случайно образовав-шихся, подъ вліяніемъ какого нибудь философа, взгядовъ на бы-тие, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили съ Анной Михайловной.

Я. Но если мы отрѣшимся отъ всякихъ взгядовъ, то это, пожалуй, значитъ, что мы отрѣшимся отъ всякаго сознанія. Тогда на чемъ же мы будемъ стоять при решеніи нашего вопроса?

Сократъ. Отрѣшеніе отъ взгядовъ я вовсе не отождествляю съ отрѣшеніемъ отъ сознанія. Напротивъ, потребность философство-вать предполагаетъ уже совершенно образовавшееся сознаніе, ибо этой потребности грудныя дѣти не имѣютъ. Такъ какъ въ нашемъ обычномъ сознаніи даже и у простыхъ людей есть все таки взгля-ды и мнѣнія, имѣющіе философскій характеръ, своя, такъ сказать, метафизика, то я предлагаю, на сколько возможно, возбудить въ себѣ способность скептическаго отношенія къ собственнымъ мнѣ-ніямъ.

„Предполагая, что мы стали въ такое положение, я спрашиваю: неужели мы въ чрезвычайно обширной области нашего обычного сознанія пойдемъ на удачу? Конечно, нѣтъ! Мы какъ либо осмотримъ и раздѣлимъ на различныя группы все содержаніе нашего сознанія и постараемся заранѣе намѣтить, въ какихъ изъ нихъ нужно искать понятія бытія, а въ какихъ нѣтъ. По моему, мы все наше сознаніе можемъ раздѣлить на двѣ области: *первоначальное или простое сознаніе и производное или сложное сознаніе*. (Обращаясь къ Шугаеву). Одобрите ли вы, Иванъ Антоновичъ, мое предположеніе?

Шугаевъ. Я согласенъ, если вы подъ первоначальнымъ разумѣете то, что Юмъ разумѣеть подъ *впечатлениями*, а подъ производнымъ то, что онъ разумѣеть подъ *идеями*.

Сократъ. Пожалуй, и то самое только съ нѣкоторою важною разницей. Я къ первоначальному сознанію причисляю нѣчто такое, что Юмъ и другіе сенсуалисты и позитивисты *пропускаютъ* и совершенно *отрицаютъ*. Эти другія обыкновенно пропускаемыя группы первоначального сознанія состоять: 1) въ сознаніи нашихъ *дѣятельностей и состояній* и 2) въ сознаніи нашей *индивидуальной субстанціи*, нашего „я“, или въ нашемъ единичномъ *самосознаніи*. Только въ этихъ трехъ группахъ, вмѣстѣ съ принимаемою и сенсуалистами группою чувственныхъ ощущеній, можно искать понятія бытія, потому что производное сознаніе не можетъ быть источникомъ понятія бытія. Производное сознаніе предполагаетъ, что то, изъ чего мы образуемъ его, уже какъ либо намъ дано или известно. Итакъ, мы имѣемъ три группы первоначального и безотносительного сознанія....

Карамазова. Что значать эти слова: *простое, безотносительное сознаніе*?

Сократъ. Простое—значить, что оно не произведено сложеніемъ изъ какихъ нибудь другихъ фактovъ или элементовъ сознанія. Напр., сознаніе о деревѣ, столѣ, лошади и т. п. есть сознаніе, возникшее посредствомъ сложенія первоначальныхъ элементовъ,

идущихъ изъ разныхъ областей: напр., изъ области *зрителныхъ ощущений* (свѣта, цвѣтовъ), изъ области *осязательной* (мягкое, твердое, шероховатое), изъ области *пространственного созерцанія* (линия, плоскость и проч.). Простымъ же сознаніемъ, сравнительно съ этимъ сложнымъ, будетъ сознаніе напр., цвѣтовъ, взятыхъ изолированно (этотъ или тотъ красный цвѣтъ), сознаніе изолированныхъ осязательныхъ ощущений (ощущеніе этой гладкости или шероховатости). Безотносительное сознаніе состоить въ томъ, что содержаніе какого либо факта сознанія не стоитъ ни въ какомъ отношеніи или же связи съ другимъ фактомъ сознанія; что либо сознается безъ всякаго отношенія къ чему либо другому, сознается, какъ говорятъ, „*о себѣ*“. Примѣромъ тутъ могутъ служить опять цвѣта. Вы видите красный или желтый цвѣтъ и сознаете, что они такое безъ всякаго отношенія къ чему нибудь другому; осознаете гладкое или шероховатое и сознаете, что это такое изъ самаго факта осознанія. Но, напр., сознавать тождественное нельзя безъ отношенія къ разному, сознавать большое нельзя безъ отношенія къ малому, сознавать правое нельзя безъ отношенія къ лѣвому, верхнее безъ отношенія къ нижнему.

Серебрякова. Я еще понимаю, что чувственные ощущенія суть первоначальное, простое сознаніе, но чтобы сознаніе объ нашихъ дѣятельностяхъ, какъ вы выражаетесь, или объ нашемъ „*я*“ было такое же, это мнѣ какъ-то сомнительно.

Сократъ. Не понимаю, что тутъ сомнительного! Когда вы, напр., видите какой либо цвѣтъ, когда чувствуете боль, ощущаете тепло или холодъ, то неужели нуженъ кто нибудь другой, который бы вамъ сказалъ, что это *вы* дѣйствуете, что вы видите и какъ и что вы видите, или что вы чувствуете и какъ и что вы чувствуете. Неужели нужны кто нибудь или что нибудь для того, что-бы вы черезъ нихъ узнавали объ этихъ собственныхъ дѣятельностяхъ и имѣли производное или посредственное о нихъ сознаніе? Или да-лѣе, когда вы думаете о чёмъ либо или фантазируете, воображаете что либо, то неужели нуженъ какой нибудь значекъ, изъ котораго

вы сознали-бы, что вы, а не другой кто, думаете или что вы, а не другой кто воображаетъ? Съ другой стороны когда вы узнаете, что кто либо другой думаетъ или воображаетъ, то не иначе, какъ изъ различныхъ значковъ, напр., изъ произносимыхъ имъ словъ, или изъ дѣлаемыхъ имъ жестовъ, движений и т. п. Далѣе, неужели мы получаемъ сознаніе о своемъ „я“ и узнаемъ, что оно такое, изъ сообщеній другихъ? Неужели для сознанія о своемъ *индивидуальномъ* я нужно еще какое нибудь иное сознаніе о чёмъ нибудь другомъ? Или иначе: неужели сознаніе объ „я“ сложено изъ какихъ нибудь первоначальныхъ сознаній?

Шугаевъ. Извините, если я позволю себѣ васъ остановить. Не говоря уже о грудномъ, но даже ребенокъ двухъ, трехъ лѣтъ ничего не знаетъ о своемъ „я“. Онъ сперва слышитъ, какъ другіе говорятъ: „я“, а потомъ уже и самъ начинаетъ говорить.

Сократъ. При вашемъ замѣчаніи я долженъ сдѣлать оговорку, что я теперь употребляю слово: первоначальное сознаніе, не въ отношеніи времени, а въ томъ,—что оно не сложено и не произошло изъ какого либо другаго сознанія. Далѣе я думаю, что смутное сознаніе о своемъ „я“ есть у ребенка еще не говорящаго, какъ оно есть у высшихъ животныхъ, въ чёмъ можно убѣдиться на собакѣ, которая отлично умѣеть свое имя относить къ себѣ, подобно ребенку, относящему къ себѣ въ третьемъ лицѣ свое имя. Но если бы ребенокъ лѣтъ трехъ и даже болѣе и ничего не зналъ о своемъ „я“, то изъ употребленія другими слова: „я“, онъ познакомился бы не съ предметомъ, къ которому оно относится, а только съ звукомъ, съ словомъ, которое онъ могъ бы ошибочно прилагать къ своей рукѣ, къ пальцу, или къ чему нибудь другому подобно тому, какъ слѣпорожденный ребенокъ могъ бы слышать слова: красный, синій, но прилагалъ бы ихъ ошибочно вовсе не къ тому, къ чему слѣдуетъ, а, напр., къ ощущеніямъ осознанія. Въ послѣдствіи слѣпорожденный узналь бы, что для него, къ несчастію, нѣть краснаго и синяго и что для него это одни пустыя слова, подобно тому, какъ поклонники Юма, научившись отъ этого философа, уз-

наютъ, что для нихъ „я“ есть пустое, ничего не означающее, слово; но, къ счастью нашему, мы еще въ дѣтствѣ очень скоро узнаемъ настоящее и подлинное значеніе слова: „я“ и тотчасъ же начинаемъ правильно прилагать это слово, ибо то, что имъ называется, уже знакомо намъ даже до знакомства съ словомъ и такъ рѣзко отличается отъ всего другаго, что и самый простой человѣкъ едва-ли смѣшаетъ то, что называется „я“, съ чѣмъ нибудь другимъ. Всякій знаетъ, что это „я“ есть только въ одномъ и единственномъ экземпляре въ мірѣ и всякому какъ разъ этотъ единственный экземпляръ всего дороже въ мірѣ, и далѣе всякий знаетъ лучше всѣхъ этотъ единственный экземпляръ, такъ что ничему уже изъ того, что онъ въ себѣ заключаетъ, научиться отъ кого либо другого не можетъ. Всякій знаетъ, что этотъ экземпляръ дѣйствуетъ и что и какъ онъ дѣлаетъ, какъ и что, напримѣръ, онъ видѣть, слышитъ, какъ и что чувствуетъ, думаетъ; всякий знаетъ, что ему отъ чего либо больно и какъ больно; что ему отъ чего либо пріятно и какъ пріятно. Что-же касается до послѣдователей Юма, то и они все это отлично знаютъ и на практикѣ поступаютъ сообразно съ этимъ знаніемъ, какъ и всѣ мы грѣшные. Пусть для нихъ въ теоріи это „я“ какой-то „пучекъ“, какая-то „совокупность“ чего-то, соединяемая чымъ-то воображеніемъ, но они этотъ пучекъ любятъ, цѣнятъ, холятъ, защищаютъ и не только его, но и его дѣятельность, его мысли и теоріи, чувства и желанія. Однимъ словомъ, они относятся къ нему такъ, какъ и слѣдуетъ относиться къ своему собственному существу, къ своей субстанціи....

Я. Такъ какъ же вы думаете о понятіи бытія? Принадлежитъ ли оно къ этой области первоначального и безотносительного сознанія?

Сократъ. Нѣтъ, не принадлежитъ, хотя и имѣетъ въ основѣ своей не одну какую либо изъ группъ этой области, *a всѣ три*.

Я. То, что вы говорите, для меня совершенно не понятно!

Сократъ. Постараюсь объясниться. Хотя элементы трехъ указанныхъ группъ представляютъ простое, безотносительное сознаніе,

но тѣмъ не менѣе они могутъ входить и постоянно входятъ въ самыя разнообразныя отношенія другъ къ другу. Эти отношенія даютъ въ результатѣ нѣсколько новыхъ группъ сознанія, среди которыхъ и находится искомое нами понятіе. Дѣятельность, посредствомъ которой мы выводимъ безотносительные элементы изъ ихъ изолированности, связываемъ ихъ и относимъ другъ къ другу называется мышленіемъ. Мысленіе служитъ посредникомъ между различными областями сознанія, оно есть живая сила, приводящая всѣ отдѣльныя области сознанія въ связь и органическое единство. Мысленіе не механически соединяетъ первоначальные элементы сознанія, но производитъ совершенно новые продукты, что похоже на то, какъ въ химіи соединеніе простыхъ тѣлъ даетъ въ результатахъ новыя тѣла съ новыми свойствами.

Я. Приведите, пожалуйста, какіе нибудь примѣры этихъ новыхъ продуктовъ отношенія между элементами простаго сознанія.

Сократъ. Таковы, напр., образы и вещи пространственного міра; они суть ничто иное, какъ результаты отношеній. Отдѣльныя, чувственныя ощущенія: свѣтовыя, мускульныя, осознательныя и т. п. мы относимъ другъ къ другу и понимаемъ ихъ какъ единство, сущее само по себѣ или то, что мы разумѣемъ подъ материальной субстанціей или вещью. Конечно, въ это отношеніе и единство кромѣ чувственныхъ качествъ, скрытно входитъ еще и сознаніе о нашихъ дѣятельностяхъ и сознаніе о нашемъ я. Не сознавая этого скрытаго и не яснаго привхожденія, мы впадаемъ въ ложную иллюзію, что будто бы, какъ выражаются нѣкоторые философы, предметы материальнаго міра „даны намъ въ непосредственномъ опыта“. Конечно, нужно не мало усилий для того, чтобы вполнѣ раскрыть тотъ маскарадъ, которымъ обманываетъ насъ наше не ясно сознаваемое и наивное мысленіе въ союзѣ съ нашей фантазіей.

Карамазовъ. Извините, Сократъ Ивановичъ, но я попрошу васъ хоть въ двухъ словахъ пояснить мнѣ, въ чёмъ состоитъ этотъ маскарадъ.

Сократъ. Постараюсь. Не зная непосредственно никакой другой субстанці, кроме своего „я“, мы ошибочно ставимъ ее, какъ совершенно вѣшній намъ предметъ, какъ материальную вещь или субстанцію. Далѣе, имъя опытное понятіе о своихъ дѣятельностяхъ, мы переносимъ это понятіе на мертвый манекенъ материальной вещи вообще и воображаемъ, что она дѣятельна и можетъ быть чего либо причиной. Наконецъ, оторвавши и изолировавши продукты нашихъ собственныхъ дѣятельностей отъ самихъ этихъ дѣятельностей т. е. свѣтъ и цвѣта отъ видѣнія, звуки отъ слышанія, ощущенія холода и тепла, сопротивленія и т. д., мы наряжаемъ во всю эту разнообразную одежду безчисленныя мнимыя существа материального міра, начиная съ собственного тѣла и вѣримъ въ самостоятельное бытіе цвѣтныхъ, звучащихъ, мягкихъ, шероховатыхъ, теплыхъ, холодныхъ и т. п. вещей. Но я, благодаря моимъ руководителямъ, всѣмъ выдающимся представителямъ философіи (взглянувъ на Шугаева и улыбаясь), въ томъ числѣ и Юму, какъ мнѣ кажется, постигъ этотъ маскарадъ и теперь могу сказать материальному міру: „не соблазняй меня отнынѣ: je te connais, beau masque“.

„Теперь я попытаюсь показать вамъ, какъ, относя различныя области первоначального сознанія одни къ другимъ или, иначе говоря, вводя ихъ во взаимную связь и объединяя ихъ, мышеніе, по моему мнѣнію, образуетъ правильное понятіе бытія.

„Предполагая наше обыкновенное сознаніе и анализируя его, мы находимъ, что въ немъ происходитъ непрестанная смѣна мыслей, представлений, вообще нашихъ внутреннихъ состояній. Вся жизнь нашего сознанія только и протекаетъ въ томъ, что мы или думаемъ, или ощущаемъ или чувствуемъ или желаемъ то одно, то другое, то третье. Если мы попробуемъ отвлечься отъ различія въ *содержаніи* или въ *объектахъ* нашихъ дѣятельностей, т. е., нашихъ хотѣній, мыслей, ощущеній и т. п., то у насъ образуется болѣе или менѣе ясное понятіе объ отношеніи этого содержанія къ нашимъ смѣняющимся дѣятельностямъ, отношеніи, которому въ языкѣ соотвѣтствуетъ всеобщая форма постановки этого отношенія

посредствомъ вопроса: *что?* Что видимъ, слышимъ, представляемъ, думаемъ, хотимъ и т. д.? Этимъ вопросомъ съ одной стороны и отвѣтомъ на него съ другой и исчерпывается отношеніе между нашими дѣятельностями и разнообразiemъ содержанія или объектовъ этихъ дѣятельностей.—Но этимъ еще далеко не опредѣляется понятіе бытія, ибо понятіе *объектъ* или *содержаніи* составляеть только *одну сторону* понятія или идеи бытія. *Другую сторону* его составляетъ понятіе о *дѣятельности*, которая, конечно, не мыслима безъ связи и отношения къ содержанію. Но точно также и это содержаніе не мыслимо безъ связи и отношения къ дѣятельности, такъ что содержаніе и дѣятельность составляютъ *два соотносящіяся пункта*, соединяющіеся черезъ это отношеніе въ *единство*. Всякое содержаніе однако не неразрывно связано съ какою либо *данной дѣятельностью*, а потому можетъ быть *оторвано* отъ дѣятельности, съ которой оно соединено. Поэтому одно и тоже содержаніе можетъ повториться множество разъ и въ этомъ возвращеніи и возникновеніи вновь остается единымъ и тождественнымъ, тогда какъ дѣятельности, съ которыми оно каждый разъ соединяется, различны и разъединены временемъ. Напр., я могу, сколько хотите разъ, видѣть одинъ и тотъ же цветъ, слышать одинъ и тотъ же звукъ или цѣлое сочетаніе звуковъ, мыслить одну и ту же мысль, читать одно и то же стихотвореніе, чувствовать одно и тоже чувство и т. п. Всѣ эти содержанія или объекты не связаны неразрывно съ какою либо одною дѣятельностью, а могутъ соединяться безразлично множество разъ съ различными дѣятельностями, оставаясь въ этихъ соединеніяхъ тождественными, одними и тѣми же, между тѣмъ какъ дѣятельности слышанія, видѣнія, желанія, мышленія и т. п., сколько бы ихъ ни было, каждый разъ различны, что происходит отъ различія обстоятельствъ, связанныхъ съ различіемъ во времени ихъ возникновенія. Мысля эти различныя *во времени* дѣятельности въ одномъ понятіи, мы и получаемъ *другую сторону* понятія бытія, которая означаетъ, что то или другое содержаніе было дѣйствительно объектомъ какой нибудь нашей дѣятельности.

тельности. Въ языке, большею частю, эта сторона понятия бытія выражается словами: „дѣйствительно“, „дѣйствительность“. Я „дѣйствительно“ видѣлъ, думалъ, чувствовалъ то или другое содержаніе: А, В, С, говоримъ мы. Эта же сторона бытія выражается въ языке вопросами: *кто?* *когда?* *сколько разъ?* (видѣлъ, думалъ, чувствовалъ и т. п.) и отвѣтами на нихъ: „я, ты, онъ, и пр.; вчера, годъ назадъ, часто, одинъ, два раза и т. д.“ Такимъ образомъ хотя содержаніе и представляетъ *множество*, но каждый членъ этого множества есть одинъ и тотъ же единственный экземпляръ *во всякомъ времени*, дѣятельности же не только *многія*, но кромѣ того представляютъ *множество* и во времени; онъ всегда разныя; одна и также не можетъ повторяться двухъ разъ. Напр., я и вчера, и сегодня думаю объ одной и той же вещи и то же самое; содержаніе, т. е., моя мысль о вещи, тождественно, но моя дѣятельность, мое думаніе вчера и сегодня—составляютъ двѣ различныя дѣятельности. Одна и та же музыка можетъ быть вчера и сегодня, но мое слышаніе вчера и сегодня различны. Далѣе, содержаніе или объектъ представляетъ *ничто безвременное*, а дѣятельность *принадлежитъ къ времени*: прежде, теперь, послѣ; поэтому, напр., *наука безвременна по ея содержанію*, а дѣятельность изученія, приобрѣтенія науки принадлежить *къ времени*. *Теперь я обращаюсь къ третьей сторонѣ понятия бытія, которая составляетъ основаніе тому, что столь различныя, какъ мы сейчасъ видѣли, содержаніе и дѣятельность могутъ соединяться, не смотря на это различие.* Эта третья сторона понятия бытія, соединяющая двѣ осталыя и сама соединяющаяся съ ними въ единство, есть „я“, къ которому относятся и содержаніе, и дѣятельность и въ которомъ они составляютъ единое цѣлое. Какъ безъ этого „я“, напр., могло бы соединяться *множество и различие дѣятельностей съ тождественнымъ содержаніемъ?* Какъ было бы возможно, чтобы нѣчто, положимъ, одно, другое и третье, *каждый разъ различное, видѣніе или слышаніе и т. п.* были соединены только *съ однимъ содержаніемъ*, положимъ, этого краснаго цвета,

этого определенного звука. Очевидно, что это возможно, только благодаря тому, что видение или слышание не изъ виа какъ либо случайно совпадаютъ съ ихъ объектами, а что они имъютъ своимъ пунктомъ соединенія одно и то же „я“, которое господствуетъ надъ обоими и соединяетъ съ *своими* дѣятельностями *свой-же*, соответствующій имъ, объектъ, чѣмъ и обуславливаетъ возможность тѣснаго *отношенія* между ними. Это „я“ есть то третье, въ которомъ *иначе* различныхъ и существующихъ самихъ по себѣ изолированныхъ содержаній и въ которомъ точно также *неъ* и раздѣльныхъ, тоже существующихъ самихъ по себѣ, дѣятельностей. „Я“ таکъ естественно объединяетъ и то, и другое, что мы только путемъ труднаго анализа доходимъ до соединенныхъ элементовъ и можемъ ихъ выдѣлить, сознавать и понимать *въ отдельности*. Безъ соединенія *въ* „я“ и *посредствомъ* „я“ разрозненныхъ элементовъ сознанія не было бы ни сознанія, ни разума такихъ, какими мы ихъ въ себѣ знаемъ. Съ другой стороны тоже самое „я“ даетъ намъ возможность и раздѣлить соединенные элементы, сознать и понять ихъ въ ихъ изолированности. Я есть одно и тоже съ каждою своею отдельною дѣятельностью и со всѣми и также дѣйствительно, какъ и онъ. Каждая изъ нихъ и есть *ничто* иное, какъ актъ его. Точно тоже должно сказать и о содержаніи или продуктахъ этихъ актовъ. Въ немъ, т. е., въ „Я“, говоряfigурально, и хранятся продукты прошедшихъ актовъ, и коренятся продукты будущихъ. Какъ могли бы войти въ какую либо связь, столь различные по природѣ, слышимый звукъ и обоняемый запахъ, если бы они не имѣли своего единства въ „я“, которое и слышитъ, и обоняетъ. Въ этомъ же единствѣ исчезаетъ различие дѣятельностей отъ ихъ содержанія: слышаніе отъ звука, обоняніе отъ запаха. Если въ языке, содержаніе выражается въ формѣ вопроса: *что?* и въ употребленіи глагола: быть, въ качествѣ связки, если, съ другой стороны, дѣятельность выражается словомъ: *дѣйствительность*, и разными вышеупомянутыми вопросами; а глаголь: быть, употребляется въ формѣ

посредствъ этого я и относятся другъ къ другу и соединяются, то „я“ есть совокупность и единство объектовъ и дѣятельностей, т. е., „я“ пребываетъ во всемъ единымъ и неизмѣннымъ.

„Теперь я долженъ сдѣлать замѣчаніе относительно термина: единство. Должно осторегаться понимать единство „я“ въ смыслѣ единства, относящагося къ вещамъ материальнымъ, напр.: въ смыслѣ цѣлыхъ вещей. Нельзя также разумѣть его въ смыслѣ суммы относительно слагаемыхъ. И то, и другое повело бы насъ даже къ отрицанію этого самаго „я“. Цѣлое, заключающее въ себѣ части, можетъ быть раздѣлено на нихъ и, такъ сказать, исчезнуть въ нихъ, таѣтъ что останутся однѣ части, которыхъ можно будетъ снова рассматривать, какъ цѣлые сами по себѣ. Что же касается до „я“, то хотя оно также, на подобіе частей, заключаетъ въ себѣ дѣятельности и содержаніе, но никакъ не можетъ быть раздѣлено на нихъ и исчезнуть въ нихъ. „Я“ неуничтожимо и недѣлимо. Хотя оно и не можетъ быть безъ дѣятельностей, а эти послѣднія безъ содержанія, но однако дѣятельности и содержаніе безъ „я“ суть ничто. Нѣть мыслей и мышенія безъ мыслящаго, нѣть желаній и воли безъ хотящаго, нѣть ощущеній безъ ощущающаго и т. д. Точно также „я“ не распадается, подобно суммѣ, на слагаемыя и не слагается, подобно суммѣ, изъ слагаемыхъ. Что касается до частей, т. е., дѣятельностей и содержанія, то нужно замѣтить, что они не остаются въ „я“ не обособленными и не исчезаютъ въ немъ, подобно тому, какъ слагаемыя исчезаютъ въ суммѣ. Напротивъ части „я“ заключаются въ немъ обособленными и раздѣленными. „Я“ есть въ одинъ и тотъ же моментъ и мыслящее такія-то и такія-то мысли, и чувствуяще такія-то чувства и ощущающее такія-то ощущенія. Но, конечно, все это есть не различныя „я“, а одно и то же „я“. Итакъ, мы должны разумѣть единство „я“ въ смыслѣ субстанціального единства, т. е., единства, свойственаго субстанції относительно ея акциденцій или атрибутовъ. Единственнымъ источникомъ для познанія этого нашего субстанціального бытія есть самосознаніе или непосредственное сознаніе о нашемъ суще-

предиката, то относительно „я“ языкъ употребляетъ обѣ формы глагола бытъ. Далѣе нужно замѣтить, что одно только слово въ языке, а именно: „я“, никогда не употребляется, какъ предикатъ, а всегда какъ субъектъ. Значитъ дѣятельности и содержаніе относятся къ „я“ такъ, какъ атрибуты или акциденціи относятся къ субстанціи.

Послѣ этихъ словъ Сократъ остановился и началъ медленно, какъ бы освѣжаясь, пить стоявшее передъ нимъ вино. Въ это время Карамазовъ просилъ его, не можетъ ли онъ кратко резюмировать сказанное прежде, чѣмъ пойдетъ далѣе, для того чтобы облегчить слушателямъ пониманіе его воззрѣній. „Не знаю, какъ другіе“, прибавилъ Карамазовъ, „а я чувствую въ этомъ большую потребность“.

„И мы присоединяемся къ этой просьбѣ“, подхватили дамы.

Сократъ. Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, когда окончу опредѣленіе понятія бытія. Желаемое вами *resumé* я намѣреваюсь сдѣлать въ такой формѣ, въ какой это дѣлаютъ лица, защищающія въ университетахъ свои диссертациіи, т. е., изложить его въ формѣ отдельныхъ *тезисовъ*, которые будутъ представлять одинаковое удобство какъ моимъ собесѣдникамъ для нападенія на меня, такъ и мнѣ для защиты.

„Теперь я, указавши на источникъ понятія бытія и на три его стороны, сдѣлаю попытку опредѣлить это понятіе, но для большей ясности сперва сдѣлаю опредѣленіе каждой стороны въ частности. Двѣ первыя стороны представляютъ вполнѣ коррелятивныя понятія, какъ напр.: отецъ и сынъ и т. п., а потому въ опредѣленіе одной стороны входитъ и другая. Значитъ бытіе, какъ *содержаніе*, есть совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ объектовъ, т. е., такихъ, которые суть результаты дѣятельности субъекта. Далѣе бытіе, какъ *дѣятельность*, есть совокупность всѣхъ дѣйствительныхъ *актовъ*, т. е. актовъ, производящихъ объекты. Теперь попытаюсь опредѣлить третью сторону, или „я“. Такъ какъ „я“ обнимаетъ всѣ объекты и всѣ дѣятельности и такъ какъ они при

ствѣ, о нашемъ бытіи. Поэтому о всякомъ другомъ бытіи мы заключаемъ только по своему собственному, которое служить для насъ типомъ всяческаго бытія.

Понятіе бытія въ его цѣломъ въ сущности совпадаетъ съ понятіемъ его третьей стороны и можетъ быть выражено слѣдующимъ образомъ: *Бытие есть понятіе, содержаніе котораго состоитъ изъ знанія о нашей субстанціи, ея дѣятельностяхъ и содержаніи этихъ дѣятельностей въ ихъ единству и отношеніи другъ къ другу.*

Теперь, опредѣливъ понятіе бытія, я сдѣлаю объщенное генеральное въ слѣдующихъ тезисахъ:

1) Источникомъ для понятія бытія служить первоначальное, простое и непосредственное сознаніе.

2) Но однако ни одна изъ группъ этого сознанія, взятая изолированно, не есть источникъ и выраженіе понятія бытія и не служить его примѣромъ. Только всѣ вмѣстѣ и во взаимномъ отношеніи онъ образуютъ понятіе бытія.

3) Три области сознанія, дающія материалъ для понятія бытія, обнимаютъ все первоначальное сознаніе, и представляютъ: а) сознаніе о содержаніи, б) сознаніе о дѣятельности, с) сознаніе о нашей субстанціи, или „я“.

4) Не входя ни въ одну группу первоначального сознанія, но имѣя ихъ однако въ своемъ основаніи, какъ материалъ, понятіе бытія входитъ въ особую группу сознанія, именно, группу сознанія о формахъ или способахъ отношенія между элементами первоначального сознанія. Къ этой группѣ, носящей разнообразныя наазванія, какъ-то: понятія разума, интеллектуальная понятія и т. п., принадлежать вмѣстѣ съ понятіемъ бытія и другія, напр.: тождества, различія, дѣйствія, страданія, причины, слѣдствія и многія другія.

Худо ли, хорошо ли, но я свою задачу окончилъ и теперь считаю себѣ правѣ освѣжиться и отдохнуть.

Говоря это, Сократъ протянулъ руку къ бутылкѣ, но Катерина Ивановна остановила его, говоря: „погодите теперь пить, Сократъ Ивановичъ! Сперва закусите и, такъ какъ я думаю, что послѣ моей закуски вамъ захочется утолить жажду, то лучше тогда и выпьете“.

Сократъ. (Съ любопытствомъ). А чѣмъ любезная хозяйка хотѣть угостить насть?

Карамазова. Селянкой въ двухъ родахъ: и рыбной, и мясной.

Сократъ. (Въ восхищениі). Селянкой! любезнѣйшая Катерина Ивановна! Селянкой, которой я давно не ъѣлъ и о которой нерѣдко мечталъ во снѣ и на яву. Да! господа, только Катерина Ивановна можетъ дѣлать намъ такие вкусные сюрпризы!

И въ слѣдъ за хозяйкой, которую вель подъ руку Сократъ, всѣ присутствующіе съ веселымъ хохотомъ направились въ столовую.

Когда всѣ приступили къ водкѣ и закускѣ, была причесана на двухъ сковородахъ шипящая и дымящаяся селянка. Сократъ положилъ себѣ на двѣ тарелки и мясной, и рыбной. Сперва онъ медленно отвѣдывалъ и смаковалъ ихъ въ перемежку, а потомъ съ хозяйкой и призванной ею кухаркой погрузился въ специальную сравнительную оцѣнку состава и способа приготовленія селянокъ.

Остальные присутствующіе также какъ бы разбились на группы и шумно разговаривали о происходившей вечеромъ бесѣдѣ.

Что касается до меня, то я сперва сталъ прислушиваться къ тому, о чѣмъ толковали въ группѣ Сократа, но скоро рѣчь о ка-порцахъ, лавровомъ листѣ, оливкахъ, кислой капустѣ и т. п. мнѣ наскучила; и я сталъ прислушиваться къ тому, что говорилось въ другихъ группахъ.

Вторую группу составлялъ Шугаевъ, какимъ-то образомъ овладѣвшій Синайскимъ. По видимому, сойдя съ высотъ непоколебимой научной философіи, онъ съ азартомъ, болѣе приличествующимъ метафизику, даже какъ-то вскрикивалъ, оцѣнивая и разбирая сказанное Сократомъ.

„Я постоянно получаю“, говорилъ Шугаевъ, „передовыѣ журналы европейской научной философіи и нигдѣ не встрѣчалъ того, что проповѣдуетъ Сократъ Ивановичъ. По моему, это ветошь, давно сданная наукой въ снѣдь архивнымъ мышамъ. Я убѣжденъ, что если бы это могли слышать представители научной философіи, какъ Бенъ, Селли, Вундтъ и другіе, то они только развели бы руками“.

Синайскому, очевидно, хотѣлось принять участіе въ селянкѣ, на которую онъ любовно взглядалъ, но изъ деликатности онъ потреблялъ одну духовную пищу, преподносимую Шугаевымъ. Къ счастію, ему на помощь пришелъ Карамазовъ, который, въ качествѣ хозяина, усиленно сталъ просить его выпить вина и покушать. Когда, онъ съ тою же просьбою обратился къ Шугаеву, то тотъ отказался и отъ вина, и отъ селянки, отзываясь рѣмъ, что онъ вообще на ночь воздерживается отъ пищи, особенно же отъ жирной и неудобоваримой. Вѣроятно, боясь, чтобы Шугаевъ опять не оторвалъ Синайского отъ селянки, за которую онъ принялъ съ видимымъ удовольствіемъ, Карамазовъ, какъ бы вступаясь за Сократа, возразилъ Шугаеву: „да чтожь за бѣда, что Бенъ и Вундтъ не одобрили бы мнѣній Сократа Ивановича; вѣдь, не обязательно въ философіи непремѣнно слѣдоватъ за ними. Я не знаю, но, можетъ быть, онъ слѣдуетъ за другими философами, напр.: Декартомъ, Лейбницемъ, или за кѣмъ нибудь изъ новыхъ“.

Отъ этихъ словъ Шугаевъ всыхнулъ, словно порохъ отъ искры, и началъ говорить такъ стремительно, что я не могъ понять его рѣчи въ связи и улавливавъ только отдѣльныя выраженія: „старый хламъ... съдая древность... Декартъ и Лейбница, конечно, въ свое время.... но теперь современная научная философія.... передовыѣ мыслители, зорко стоятъ на стражѣ.... я считаю свою обязанностію бороться съ реакциею“.... Затѣмъ я сталъ прислушиваться къ третьей группѣ, которая состояла изъ Серебряковой, Калганова и Красоткина, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ ея.

Красоткинъ. Охъ, ужъ эта мнѣ философія!... Всегда-то въ ней темень не проглядная! Того и гляди, что попадешь въ какуюнибудь трущобу!... Если я его понимаю, то значитъ, что, напр., красный цвѣтъ не существуетъ самъ по себѣ, а если я, или другой кто, его вижу, то онъ существуетъ. А по моему, такъ и видѣть то мы его можемъ только потому, что этотъ красный цвѣтъ, или колебаніе эфира существуетъ помимо и безъ всякихъ видящихъ.

Калгановъ. Да, удивительно какая выходитъ безсмыслица! Рѣшительно никакъ не могу понять, да гдѣ же всѣ эти безчисленныя субстанціи, которая видятъ, слышать, дѣйствуютъ! Вѣдь, всѣ онѣ, значитъ, собраны въ одной точкѣ! Да, нѣтъ! онъ и этой одной точки не дастъ; онъ опять скажетъ, что точка въ пространствѣ! Значитъ онъ нигдѣ, а между тѣмъ будто бы есть єдіный міръ субстанцій, которая дѣйствуютъ! Просто, фантасмагорія какая-то!

Серебрякова. Да мнѣ кажется, по его мнѣнію, не должно бы существовать этихъ многихъ субстанцій! Вѣдь, онъ говоритъ, что субстанція знаетъ только о себѣ. Почемъ же она знаетъ о другихъ? Кажется, онъ долженъ признавать только существованіе资料 of his own self.

Калгановъ. (Обращаясь къ Сократу). Слышите ли, Сократъ Ивановичъ, что говорить Анна Михайловна?

Въ это время Сократъ уже окончилъ свое совѣщеніе о селянкахъ и съ вождѣльнемъ смотрѣлъ на разливаемое хозяйкой въ стоявшіе на подносе стаканчики венгерское. Наконецъ, взявши стаканчикъ, онъ всталъ и, обращаясь къ Калганову, сказалъ: „къ сожалѣнію, я ничего не слыхалъ, что говорила Анна Михайловна и другіе. Селянка до такой степени поворила меня, что я рѣшительно не способенъ шевелить мозгами по вопросамъ, вызывающимъ размышленіе, а потому прошу всѣхъ моихъ почтенныхъ собесѣдниковъ отложить всѣ возраженія мнѣ до слѣдующаго свиданія; и тогда уже мы систематически займемся діалектикой, возникающей изъ понятія бытія. Теперь же предлагаю выпить за источникъ

многихъ благъ, которыми мы пользовались въ пространствѣ этой комнаты, т. е., за Катерину Ивановну.

Всѣ весело вышли за хозяевъ, не исключая даже и Шугаева, который, какъ говорится, пригубилъ свой стаканчикъ. Затѣмъ начали уговариваться сойтись въ воскресенье у Сократа, но Калгановъ, объявивъ, что въ воскресенье день его рожденія, просилъ Сократа отложить на этотъ разъ свой утренній „симпозіонъ“, и пригласилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Синайскаго, собраться вечеромъ въ его квартире.

Начало уже свѣтать, когда мы распостились и разошлись.